

Кириченко В.
Киев, Украина

Kirichenko V.
Kiev, Ukraine

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**
(на примере анализа образа запада в дискурсе
президентов Украины и Беларуси)*

УДК 81'42

ББК III 100.3

Аннотация. Данная статья посвящена реконструкции образа Запада в публичных речах президентов Украины и Беларуси. На основе использования дискурс-анализа показаны структура и параметры представлений о Западе. Автором делается вывод о доминировании топоса Европы в дискурсе В. Ющенко и о раздробленности образа Запада (принципиальном отличии означающих «США» и «Европа») в дискурсе А. Лукашенко.

Ключевые слова: политический дискурс-анализ, образ Запада, президенты Украины и Беларуси, идентичность, теория дискурса.

Сведения об авторе: Кириченко Виталий, магистр политологии, аспирант

Место работы: Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»

Контактная информация: Кафедра политологии, Национальный университет «Киево-Могилянская Академия», ул. Г. Сковороды, 2, Киев, Украина, 04070.
E-mail: vikirichenko@yandex.ru.

**CONCEPTUALIZING
POLITICAL SPACE**

(analysis of images of the west in the presidential
discourse in Ukraine and Belarus)

ГЧТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of images of the West in public speeches of presidents of Ukraine and Belarus. The author uses discourse analysis to demonstrate the structure and parameters of representations of the West.

The author concludes that topos of Europe is dominant for V. Yushchenko's discourse, while A. Lukashenko strictly differentiate signifiers «USA» and «Europe» in the image of West.

Key words: political discourse analysis, image of West, presidents of Ukraine and Belarus, identity, discourse theory.

About the author: Kirichenko Vitaliy, Master of Political Science, Postgraduate Student.

Place of employment: National University of Kyiv-Mohyla Academy

Становление современных политических режимов территории Пограничья сопровождается трансформациями на разных уровнях и в разных сферах социального пространства. Данные процессы протекают при непосредственных стремлениях основных политических акторов Украины, Беларуси совершить осмысление, провести категоризацию и оценить окружающую реальность как для создания, усовершенствования и переопределения собственных ориентиров деятельности, так и для борьбы за символические ресурсы с дальнейшим их использованием при воздействии на окружающую реальность, в том числе и на непосредственную аудиторию людей, воспринимающих результаты познания среды.

Процесс создания структурированного и устойчивого воображаемого политического сообщества необходимым образом предполагает натурализацию, опривычивание властных идеологий, перевод, «транскрипцию» установок политических элит в стандартные, а тем самым конвенциональные социальные факты.

Целью данного процесса является формирование и трансляция образов, мнений, оценок на конструируемое социальное пространство для создания идентичностей адресных групп, их легитимации и воспроизводства, что в свою очередь будет способствовать воспроизводству

самой элиты и лежащих в основе их представления реальности идеологий.

При этом сами создатели дискурса выступают не столько как сознательные «ловцы смысла», или свободные деятели, а как пункты пересечения нескольких дискурсов, детерминруемых скрытыми идеологиями. Т.е., сами создатели обусловлены лежащими в основе воспроизводства социальной общности, членами которой они состоят, системами идей, наборами установок и ценностей.

Процесс создания новых политических идентичностей протекает с помощью нескольких механизмов, используемых скрыто и применяющих как фоновое, повседневное знание, так и интеллектуальную, научную продукцию.

Одним из аспектов создания идентичности является преобразование как ментально, так и физически внешне расположенных акторов в конституирующие факторы обособления и стабилизации внутреннего пространства, которое служит двояким целям: с одной стороны, это фиксация их в качестве стратегических, онтологических факторов собственного существования, имеющих независимое, безотносительное бытие-в-себе, с другой стороны – это риторические условия для осуществления гибких дискурсивных и прагматических эффектов и поворотов. Совмещение и наложение этих двух уровней требуется учитывать при проведении дискурс-аналитического исследования.

Значимую роль в структурировании социальных групп играют позиции глав государств, определяющих приоритеты и стратегии развития стран и обладающих значительными воз-

* Данное исследование осуществлено в рамках гранта по проекту «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова».

воздействия на остальных политических акторов.

Функционирующие на уровне глав государств дискурсивные модели, выражаемые в текстах и через тексты, ими производимыми, служат одновременно нескольким целям, выражаемым как имплицитно, так и эксплицитно:

- конструированию новых и воспроизводству сложившихся идентичностей как внутреннего пространства государства, так и внешнего мира, представляемого в качестве чужого или «не-нашего»;

- легитимации сложившихся властных отношений через апелляцию к здравому смыслу с его дальнейшим использованием для реализации собственных задач;

- информированию и воздействию на группы потребителей текстов;

- увеличению собственных знаний об окружающей реальности.

Следует учитывать, что тексты, высказывания, производимые политическими акторами, применяются как стратегически, системно, т.е. для установления общих ориентиров и программ деятельности, так и тактически, в рамках конкретного социального взаимодействия, т.е. как гибкий, ситуативный, «конъюнктурный» ресурс для создания и поддержания связности, непротиворечивости коммуникативного содержания в рамках функционально и тематически связанного текста.

Данная работа посвящена выявлению смыслов и коннотаций, задаваемых президентами Украины и Беларуси в ходе своего познания и интерпретации территориально-политических образований.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения символических практик президентов Украины и Беларуси В. Ющенко и А. Лукашенко, выявления используемых дискурсивных моделей, стратегий и тактик. Она вызвана потребностью в развитии и применении дискурс-аналитических техник в отношении особых видов политической коммуникации, а именно – текстов, производимых лидерами государств.

Цель данной работы заключается в экспликации приемов и средств, используемых акторами для создания и поддержания репрезентаций внешнего мира, в частности, образа Запада.

При этом приоритетом считается работа с внутренней организацией текстов и их соотношение между собой для обнаружения смысловых конструкторов, создающих, овецивающих, наполняющих содержанием социальный «факт» под названием «Запад».

Под образом Запада в дискурсе президентов Украины и Беларуси далее будет пониматься образ стран Европы и США. Разбиение внешне целостного образа на составляющие обусловлен объективными основаниями, а именно, риторикой самих Президентов, актуализирующих в своих нарративах определенную

часть Старого или Нового Света, расчленяющих данные регионы на значимые «зоны внимания».

Для реализации заявленной цели был проведен дискурс-анализ публичных выступлений и интервью, содержащихся на официальных Интернет-порталах Президента Украины В. Ющенко (хронологические рамки материалов – январь 2005 – декабрь 2008 годов) и Президента Беларуси А. Лукашенко (январь 2001-декабрь 2008 годов).

Дискурс как один из ключевых концептов современного социального и гуманитарного знания, обладающий довольно широким потенциалом значений и коннотаций, далее будет определяться следующим образом:

1. Политический дискурс – знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значений, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики. Дискурс-анализ – методика и техника, методология выявления политических смыслов социальных отношений и интеракций [Русакова, Максимов 2006].

2. Дискурс – системы значимых, означающих практик, формирующих идентичности субъектов и объектов. Дискурс-анализ – практика анализа эмпирически грубого материала и информации как дискурсивных форм [Discourse Theory and Political Analysis 2000: 3-5].

Образ Запада в дискурсе Президента Украины В. Ющенко. Стоит отметить один принципиальный факт, что, как ни парадоксально это звучит, но образ США в речах Президента Ющенко почти не акцентируется, лишь иногда подчеркивается их роль как главного защитника принципов свободы и демократии в качестве универсальных ценностей в мире. В ходе встречи с дипломатами США или посещения данного государства Президент Украины воспринимает американцев как вечных защитников демократии, аккуратно встраиваясь в родной для граждан США дискурс о «граде на Холме», зорко следящим за окружающим миром с целью его (мира) собственной безопасности. Рузвельт, Буш, Клинтон, сторонники ликвидации тех барьеров, что были созданы и при их же участии.

Поэтому основная часть раздела будет посвящена анализу образа Европы в текстах В. Ющенко.

Стоит условно разделить всю риторiku, производимую В. Ющенко в отношении Запада, на три части:

- Европа как экономический проект;
- Европа как историко-культурное пространство;
- Европа как политический образец.

Предварительный анализ текстов, произведенных Президентом Украины показал, что

его дискурс является своеобразной комбинацией двух других дискурсов: неолиберального и националистического (традиционалистского).

Экономический проект. Неолиберальный тип дискурса отчетливо проявляет себя при описании и репрезентации экономической и социальной политик, проводимых как внутри страны, так и странами Запада. Обязательным признаком такого рода дискурсов есть использование номинализаций глобальных явлений – описание трендов в экономической и политической сферах международного сообщества как обезличенных объективных процессов, без указания прямо заинтересованных сторон, учредителей и игроков. Такие процессы фатально неотвратимы и вынуждают от наций-государств лишь подчинения своим требованиям.

Как пишет британский ученый Н. Фейрклау, признаками неолиберального языка являются: репрезентация происходящих в мире изменений как шагов на пути к прогрессу и не имеющих аналогов и альтернатив; вытеснение вследствие таких репрезентаций предыдущих дискурсов, их замена новыми номинализациями (гибкость, модернизация, прозрачность, партнерство и пр., неповоротливая бюрократия, инвестиции); перемасштабирование и реструктуризация (новые дискурсы проникают в новые сферы социальной жизни и по-новому выстраивают свои взаимоотношения с ними, в частности, экономическая сфера должна подчинить себе все остальные сферы) [Fairclough 2002].

Как экономический актор Запад представляется В. Ющенко с помощью концепта «единого огромного рынка»: самого большого экономического партнера Украины.

Европейский Союз – *«это награда, ради которой страны-претенденты идут на невероятные шаги по внедрению болезненных и длительных реформ, от которых можно легко отказаться в случае, если выгоды четко не определены».*

Используя номинализации, он стремится выразить сущность Европейского Союза, как образца, эталона для подражания, как универсальной меры, согласно которой организуются участники европейского и мирового пространств. Сравним, как Ющенко представляет внешние процессы:

«Украина – часть динамично развивающегося мира. Модернизация производства уже в ближайшее время сделает Украину самым перспективным государством, где внедряются немецкие высокие технологии и культура ведения бизнеса».

«Задача моя и моей команды – сделать из Украины самый современный европейский рынок».

«Мы должны понять, что нас окружает не простой мир. Мир, который живет в борьбе. И каждая нация, каждая страна выигрывает свое место под тем, что мы называем солнцем».

Аналогичным образом представляется процесс вступления в ВТО: это путь, который пройти по силам лишь мощному государству,

единому в своих устремлениях и не разделенному по корпоративному критерию и групповым интересам.

Запад как историко-культурное пространство. Традиционалистский, националистический дискурс задействован при конструировании исторического нарратива и национальной социальной памяти, при этом он смешивается и с неолиберальным.

Нация мыслится Ющенко в виде семьи: украинская нация (Мы-категория) – как само собой разумеющаяся европейская нация, как идеологический конструкт получает тысячелетнюю историю с присущими ей по современному концепциям нациостроительства атрибутами (единство экономической деятельности, наличие правовых кодифицированных регуляторов, выборность органов власти).

Но в то же время, эта нация (народ) предстает как семья (*«Мы с вами – его (народа – К.В.) сыны и дочери, мои побратимы, частое использование лексемы друзья»*). Он также мой украинский народ, и народ выступает как пассивный обезличенный, стихийный субъект, и лишь только в лице своего Президента устанавливающий свое единство – и тем самым получающий право на существование (*«Я – Президент всей Украины», «я стал им волей всего народа»*): Народ, который был носителем вечной идеи независимости и идентичности.

Народ приобретает статусный признак суверена, обладателя общей воли, а власть главы государства наделяется сакральными признаками, сгущая в себе суверенную волю всего народа: *8 месяцев Президент Украины был миротворцем среди этих институтов. Я считал, что это моя карма, которую я должен нести.*

Такой симбиоз говорит о наличии в дискурсе Президента двух крайне противоречивых репрезентаций реальности: неолиберального и патриархального, традиционалистского – в его дискурсе представлены элементы обоих типов, например, президент как менеджер, управленец, нанятый обществом, и одновременно президент как отец нации, глава и объединитель семьи.

В лице Ющенко украинская нация актуализируется как носитель тяжелой судьбы, обладатель трагичной истории.

Прагматически дискурсивная модель нации у Ющенко служит для компенсации видимой им «отсталости» украинцев, причина которой кроется в перманентной подверженности репрессивным актам и социальным экспериментам со стороны Другого, в роли которого выступает Москва (как центр Российской империи и СССР), иницирующего насилие и управляющего предпринимаемыми действиями: поступательное, целенаправленное европейское движение Украины тормозилось Москвой. В итоге Украина «забыла» себя как Европу: *«Приоритетом для нашего государства есть возрождение европейской идентичности».*

Украинцы оказываются изобретателями технологий (плуг в обработке земли), законодателями (первая в мире Конституция авторства Пилипа Орлика), основателями, предшественниками американских отцов-основателей, родоначальниками европейской демократии, выдающимися деятелями средневековой Европы (Ярослав Мудрый и династические браки). Историческая память Украины силой мысли Ющенко затрагивает события трехтысячелетней давности (трипольская культура).

«Я убежден, что те ценности, что есть сегодня в Европе, они сделаны благодаря и украинской нации».

«Мы – нация, которая ходит по этой земле со времен Триполья. Нашими национальными ценностями дышит вся Европа. Это здесь еще 500 лет назад было избирательное право, тут выбирали украинских гетманов, когда в Европе передавали власть от отца к сыну. Это здесь родилась первая в мире конституция, на 70 лет раньше американской и на 90 – польской».

Сконструированный образ Украины вплетается в более широкий контекст общеевропейских тенденций, при этом иногда, как видно, опыт Украины первичен, предшествует опыту Запада, иницируя его, но в более близкие по времени периоды становится вторичным, производным от него.

Например, на современном этапе отношения ЕС-Украина осмысливаются с помощью привлечения метафорической модели «школа»: здесь европейцы становятся учителями, а украинцы – учениками: они выполняют «домашнее задание» (*Мы осознаем, насколько трудным и длительным есть наше домашнее задание по усвоению и внедрению общих ценностей*), «сдают экзамены» (*Я на этот экзамен смотрю на фоне того, что было экзаменом для моей нации, у которой 800 лет не было независимости*), учат азбуку (*мы должны выучить азбуку Евросоюза*).

Артикулируемые признаки, служащие в качестве уникальности и неповторимости украинского народа, направлены на установление общностей, которые будут осуществляться посредством воспоминания о прошлом и искупления вины за него.

Однако данный конструкт выполняет и, возможно, не менее существенную роль – его свойства преобразуются в товар, оцениваемый не столько в своей уникальности как историческое событие, вряд ли способное к повторению, а сколько как стандартный факт, вещь в случае воображения единого шаблона и меры. Такой универсальной мерой является для Ющенко западная демократия, что и должна вобрать в себя на основании логики эквивалентности Украину как не-отличную от себя, тождественную себе реальность.

В случае с описанием европейского прошлого и настоящего Ющенко активно вызывает к жизни события из европейской истории, сводя их в линейно упорядоченную последовательность с

изначально заданным планом и действиями, служащими подтверждением хода истории: интерпретация событий в Европе становится фактором создания украинской истории в качестве примера для подражания: *«Украинское государство принадлежит Европе. История нашего народа, его культура, быт и обычаи неотъемлемы от цивилизации нашего континента».*

Такое видение предполагает знание о конечной точке прибытия: достижение ее произойдет при демократии как универсальном состоянии всего земного шара.

Данные выводы схожи с выводами, предложенными украинским социологом В. Середой. Она говорит о роли украинского исторического воображаемого в дискурсе Ющенко при акцентировании им модели общеевропейского культурного пространства, например, она утверждает, что «апеллируя к историческому прошлому, Ющенко активно пытается «вписать» Украину и ее историю в более широкий (центрально-) европейский или глобальный контекст» [Середь 2006]. Здесь лишь остается добавить характер «вписывания»: события, неоднозначно оцениваемые в обществе и подлежащие широкому обсуждению, превращаются в действия, подчиненные телеологическому мышлению, так, например, Вторая мировая война становится одним из эпизодов в долговременной борьбе украинцев за европейские ценности, а именно – за свободу и независимость.

Несколько не соответствует нашим наблюдениям утверждение автора, настаивающего на проекте «инклюзивности украинской нации», формулируемой Ющенко. В частности, нередко он приводит только один из принципов единения нации – языковой, т.е. лингвистическая принадлежность становится доминантной в определении этнической и национальной идентичности украинцев, чему активно противостоят Восток и Юг Украины. Формула «один язык, один народ, одна нация» вообще выпадает из логики приводимых Середой аргументов. Но данная формула Президента Украины структурно и в смысловом плане не выпадает из общего фона его риторики: националистический дискурс позволяет ему вырабатывать новые концепции.

Сильное демократическое государство, единый народ, единая нация – таков горизонт совместной работы.

Европа как политический образец. Демократия становится нодальной точкой, которая структурирует всю дискурсивную формацию под названием «Запад».

Здесь характерен европоцентризм: демократия хоть и универсальная ценность, но как образец для подражания существует только на Западе, и демократические ценности полностью совпадают с европейскими демократическими ценностями.

Ющенко артикулирует элементы для выстраивания цепи эквивалентности, цель кото-

рой – по максимуму нивелировать различия между Западом и собственной страной для приведения к общему знаменателю, к единой мере.

В сочетании с лексемами «демократическая» и «демократия» используются следующие номинации: стабильная, новая, процветающая, среда для совершенствования, свободная, рентабельна, выгодна, влияние, молодая, ярко светится, имеет источники, вершину («оранжевая» революция), свободный рынок, конкуренция, честная приватизация, прозрачность, самостоятельная, благополучие, главная мотивация, равноправие, прагматизм: *«Если мы можем отличить хорошее от плохого и двигаться к лучшему, тогда есть один способ движения – демократия. Это единственный путь к прогрессу».*

Текстуально последствия демократии часто сводятся Президентом к свободе слова. Для В. Ющенко свобода высказывания собственной мысли является неотъемлемым признаком демократии. По прошествии одного года с момента инаугурации, в качестве достижений новой украинской власти на первое место он ставит свободу слова, понимаемую в первую очередь как свободу СМИ.

Постепенно в речи Президента Украины происходит смещение акцентов с таких размытых и смутных концептов ценности свободы и демократии на более конкретные и понятные рядовому обывателю, т.е. они расшифровываются: они уходят на второй план, на первый выходя категории более материальные.

В числе доступных для усвоения им предлагаются такие «блага»: личная безопасность, сытость, богатство, стандарты жизни. Частотность таких заявлений со временем возрастает, что свидетельствует о попытке Ющенко перевести дискуссии на более знакомые и понятные большинству населения понятия, для увеличения их заинтересованности – преобладание чисто прагматических причин евроинтеграции, активность в которой должно проявлять «неподдающееся» иной аргументации население Украины: *«Демократия рентабельна, выгодна. В демократии выгодно жить всем, большинству».*

«Было желание показать, что демократия чего-то стоит, что она материальна, что она касается каждого человека, что она поднимает пенсии, зарплату».

Можно сделать вывод, что демократия понимается Ющенко, скорее, как общая система предоставления возможностей для достижения благ, а коррелируемые с демократией понятия, такие, как ответственность, уходят в тень и сводятся к следованию личным наставлениям Президента, не брезгующего «поучать» как журналистов, так и политиков.

Европа как носитель универсальной ценности – свободы и демократии, как политический конструкт, наполняется смыслами при помощи метафоры дома или контейнера:

«Есть страны, которые создают концепцию единого дома, это уникальный планетарный проект. За это не принимались страны ни на одном материке. Это уникальная идея Европы».

Метафора, основывающаяся на фрейме «дом», предполагает выделение слотов «строитель», «архитектор», «жильцы».

В данном случае стоит остановиться на архитекторе, или отцах-основателях этого дома. Ющенко в своих выступлениях и интервью упоминает или цитирует нескольких европейских деятелей. Наиболее частый референт – это Папа Римский Иоанн-Павел II, ссылаясь на которого Ющенко говорит о послевоенном переустройстве Европы, особенно о его роли в исключении внутренних границ в едином пространстве Европы, распространении общих для «дома» ценностей. Также в список «отцов» попадают У. Черчилль, Наполеон Бонапарт, Л. Валенса. С последним, как политиком регионального масштаба, ассоциирует себя сам Ющенко.

В структуре самого «дома» Ющенко не различает жильцов, в основном он понимает под Европой единое целое, внутри которого нет никаких различий, или границ. Последние границы были разрушены с успехом Оранжевой революции: она перечеркнула линии, установленные коммунистическим режимом и его наследником – постсоветским режимом Л. Кучмы. Данное утверждение подкрепляется частым использованием концепта «Объединенная Европа». Редкими являются случаи выделения каких-то отдельных частей Европы. Например, он видит Германию как двигатель Европы, а Страсбург (место заседания Европейского парламента) как символ демократии. Лишь иногда Ющенко акцентирует роли Польши и Литвы как главных образцов для заимствования опыта.

Фактически ЕС предстает в речи Ющенко как единое, неразделенное, унифицированное пространство, не испытывающее трудностей на пути своего становления (лишь однажды он упоминает о сложностях при строительстве дома, которые обязаны разрешиться политиками).

Такое понимание политического проекта вполне ассоциируется у Президента с видением Украины как такого же единого и монолитного конструкта, без каких-либо внутренних различий, влияющих на выбор стратегий развития.

Объединенная Европа является прототипом для объединенной Украины, которая расколота по критериям, в основном, по причинам неспособности власти, игнорирующей разломы страны, предложить осуществление единого проекта государства, устраивающего большинство граждан как востока, так и запада Украины.

Российский исследователь К. Петров указывает на наличие в политическом дискурсе европейских чиновников о Европе и Европейском Союзе двух доминантных метафорических

моделей, влияющих на определение состояния и перспектив развития региона: «Европа как старая вещь» и «Европа как новая, современная вещь». Обе пользуются популярностью в дискурсивной борьбе за легитимацию навязывания единого видения «судьбы» Европы (как географического денотата) в качестве единого экономического нелиберального проекта под наименованием ЕС, оправдывающего деятельность брюссельской бюрократии по продвижению и натурализации виртуальных образований в реальной географической среде [Петров 2004].

Данные стертые метафоры содержатся и в дискурсе Президента Украины: Европа – это и уникальный проект, качественно не представленный ни на одном материке Земли, не способный к воспроизводству, и старинная вещь, известная своими универсальными ценностями, распространяющимися по всему географическому пространству.

В контексте репрезентации Европы Ющенко использует фрейм семьи, но, как и в случае с фреймом дома, не детализирует его. Фрейм семьи, как было сказано выше, Ющенко активно использует при характеристике самой Украины, контекстуально указывая на свою личность как патриарха всей семьи.

При трансляции образов Европы происходит наделение особым значением отдельных сторон функционирования политического проекта Евросоюз, и фактическое игнорирование других сторон, т.е. возникает ситуация неполноты представления, своим происхождением обязанная основному свойству социального – неполноте репрезентации.

Здесь нас интересует то, какие аспекты отбирает Ющенко и какими средствами он пользуется для демонстрации искаженной дискурсивной формации.

Украина в высказываниях Ющенко актуализируется в качестве географического центра Европы, хотя при этом не указывается, какой именно: географической или политической (под именем Евросоюз). Так как по преимуществу Европа для президента – это единая Европа, Евросоюз, то становится ясно, что и в данном утверждении происходит отождествление Европы с Евросоюзом. Символически после Оранжевой революции Украина смещается и как географическая зона – из позиции центра Европы географической Украина сдвигается в центр Европы политической: *Мы – уже не обочина. Мы – в центре Европы.* То есть, и символически, и географически Украина стает центром европейской цивилизации, о принадлежности к которой можно вспомнить, а с другой стороны, можно и приобрести в ходе «научения».

Претендуя на роль окончательной формулировки внешнеполитической доктрины государства, данное высказывание недвусмысленно предполагает как само собой разумеющееся, как «факт» следующее: оранжевая революция ме-

няет ландшафт всей Европы (на тот момент насчитывающей в своем составе 25 членов) вследствие импульса, посланного окончательным оформлением извечного желания украинского народа свободы и демократии.

Процесс интеграции в структуры Евросоюза кажется Ющенко не только учебным предприятием, но и рационализируется с помощью концепта пути: интеграция значит путь, дорога, начало которой – еще в трипольской культуре. Причем уже *«половина нации выбор ногами сделала, судя по товарообмену, по уровню активности наших связей. Пешком прошла».*

Данный путь предстоит пройти, по мнению В. Ющенко, обладая лишь техническими приемами, например, в форме отмены тех или иных нормативно-правовых актов. Хотя доминирующим представляется все-таки ментальный акт – изменение сознания, также кажущийся механической проблемой, главное для разрешения которой – это просвещение «недалекого» населения, родившегося в СССР и до сих пор живущего советскими стереотипами, и усвоение ими тех давно забытых норм и принципов европейского бытия.

Интеграция в Европу – это естественный, природный, имманентно присущий Украине процесс. Более того, это определяющий фактор ее существования: Украина есть постольку поскольку она должна быть в Европейском Союзе, но верно и обратное: Европа есть постольку, поскольку в ней должна быть и Украина. И вот это вот переходное состояние, ощущение вечного транзита и создает напряжение в текстах Президента, активно вовлекающего все новые риторические ресурсы в борьбу за определение идентичности украинцев: *«Я убежден, что те ценности, что есть сегодня в Европе, они сделаны благодаря и украинской нации».*

«Мы исходим из того, что Украина будет членом Евросоюза. Я не прошу никому доказывать, что украинцы стремятся в Европу. Мы есть Европа (подчеркивание мое – К.В.)».

Но, с другой стороны, наличествует и явно выраженная неуверенность и нестабильность убеждений исконности «европейскости» Украины: *«Нация должна понять систему европейских ценностей, и придерживаться их, защищать эти ценности. Мне кажется, что европейские ценности могут быть естественно адаптированы к традициям (Украины)».*

Позиция Президента такова, что Европа политическая без Украины будет неполноценной, недо-Европой. Настоящей Европой ей придется стать лишь с принятием Украины в свои ряды: *А без этого сердца Европа жить не может. Значит, она не может жить без Украины. Без Украины Европа не комплектна. Это мое убеждение.*

Состояние перехода, подвешенности и структурирования окончательного варианта ЕС выхолащивают сам процесс по достижению права на членство в Евросоюзе: любой раунд

переговоров превращается в победу, озвучиваемую как «большой успех», каждый раз неожиданный, но тем более приятный от того, что процесс в который раз стал самоцелью, застыв без наличия альтернативной мысли для самого президента. Создается эйфория своеобразного прорыва, воплощаемого в факте встречи «учителей» и «учеников» на очередной «сессии». Субъектную позицию Ющенко следует охарактеризовать как неоднородную, в которой переплетаются неоллиберальная, этнонационалистическая и традиционалистская идентичности. Данные идентичности выражаются в таких следствиях: неоллиберализм проявляется в заявлениях президента Украины о крупных успехах, подтверждающих его статус в глазах европейских бюрократов как деятеля в преимущественно экономической сфере; этнонационалистические аспекты препятствуют попыткам создания новых версий идентичности Украины; представление о собственной роли как «отца семейства» сопротивляется возможности введения в дискуссию таких версий со стороны иных политических акторов.

Европа как действительная культурная ценность, как самобытное образование на фоне географического денотата, Европа как данность, как таковая превращается в Европейский Союз: политический проект замещает собой географический регион, овеществляясь в роли единственного представителя интересов Европы территориальной, исторически совмещающей в себе разные нарративы, не сводимые к одному показателю, но в итоге уступающей давлению дискурса неоллибералов и становящейся Объединенной Европой, эффективной лишь как «огромный рынок на западе».

Политик, позиционирующий себя в роли активного сторонника расширения ЕС, при этом ментально остается приверженцем патриархальных традиций. Транслируемый им образ Европы как древнего, известного проекта, эклектично сочетается с представлениями о Европе как модном, перспективном проекте, подчинением Европы исторической Европе глобальной, образцу для подражания. Украина же шагает в ногу со временем, с Европой, олицетворяющей само понятие времени, но как блудный сын, временами отбивается, забывая отчий дом, и теперь пытающийся вернуться. ЕС становится конституирующим фактором существования Украины и апостериори, ретроспективно выступает в роли идеала, но не такого себе запредельного, трансцендентного, но пребывающего уже совсем недалеко (а фактически, на границе с Польшей, открывающей врата в свой чужой мир).

Образ Запада в дискурсе Президента Беларуси А. Лукашенко. Предварительный анализ риторики Президента Беларуси показал, что актуализируемые им образы Запада также не обладают полной монолитностью и подчи-

няются несколькими механизмам структурирования, несколькими способам артикуляции элементов, но при этом позволим себе утверждать, что данные механизмы можно успешно преодолеть и все-таки выстроить общую логику, управляющую генеративным творчеством А. Лукашенко.

Концептуализация пространства «Запад» происходит почти в каждом интервью или выступлении. По сравнению с дискурсом украинского Президента мы наблюдаем большее разнообразие и широкую вариативность как тематической представленности Запада, так и степень интенсификации лексических средств, применяемых для определения и интерпретации реальности Запада.

Высказывания Лукашенко, содержащие в себе попытки осмысления внешнего мира, как и в случае с В. Ющенко, также можно условно подразделить на несколько суб-образов, составных частей более комплексного образа Запада (выделение совпадает с ранее установленными в дискурсе украинского президента моделями Запада-Европы):

- Запад как экономический продукт;
- Запад как культурное пространство;
- Запад как политический проект.

Но есть существенное отличие – если в высказываниях Ющенко Запад – это учителя, ждущие сдачи окончательных экзаменов, т.е. мирное, союзное образование, то у Лукашенко Запад выступает в роли врага, ведущего партизанскую борьбу против Беларуси, на разных основаниях и по разным причинам.

Экономика. Запад как экономический продукт в дискурсе Лукашенко остается поверхностно целым, но внутренне крайне противоречивым, в смысле комбинируемых моделей опыта о Западе, вкладываемых сущностей. Детальный анализ позволит нам выявить единую риторическую стратегию, символически направленную на формирование устойчивых стереотипов о Президенте Беларуси как «самом политическом хозяйственнике» в материковой Европе. **Данная стратегия подразумевает под собой умелую, гибкую артикуляцию элементов для выполнения преимущественно единственной функции: постоянного лавирования в поиске временных союзников – тактика превращается в стратегию, не имеющую альтернативы.**

Внешне целостность проявляется через присущий и В. Ющенко дискурс неоллиберализма: это сильная риторика и повышенная чувствительность к событиям в глобальной экономике на протяжении 8 лет исследуемого материала: а именно, образ стихийного, беспощадного рынка, действующего как воодушевленное лицо, не соблюдающее правил и жестоко относящегося к тем, кто не может сосуществовать с ним, не соблюдая установленные им нормы и предписания:

Нравится нам это или нет, но Беларусь находится в открытом и бушующем море мирового рынка, где выживает только сильнейший. А кто, говоря народным языком, «складывает ласты», тонет немедленно.

Сегодня всем надо шевелиться, проявлять инициативу, а не сидеть сложа руки и ждать, чтобы государство взяло на себя решение всех проблем. В нынешнем динамичном, конкурентном мире места для иждивенцев нет!

И если поначалу (т.е. 2001-2004 года) такой рынок представлялся внешним касательно Беларуси, как бы в стороне от нее, хоть и затрагивал ее в той или иной степени и имел свое четкое географическое расположение (государства Европы и, особенно, США с их транснациональными корпорациями, особенно зримыми в форме минского «Макдональдса»), то с 2005 происходит его постепенное символическое «приближение». С течением времени акцент в таком описании событий ставится в основном на необходимости Беларуси войти в глобальное пространство и принять его уже не такие жестокие правила – конструируемая цепь эквивалентности слабеет:

Так на Западе формула одна – не работа идет за человеком, как у нас было принято в советские времена, а человек бежит туда, где есть рабочее место, человек идет за работой! Это же не моя формула, она цивилизованным Западом выработанная (подчеркивание мое – К.В.).

Готовимся ли мы по-настоящему к жесткой, да что там, скажем прямо, жестокой конкуренции, ожидающей нас впереди? За ресурсы и за рынки?

Данное моделирование прямо совпадает со все более усиливающейся отсталостью Беларуси от развитых стран мира. **Риторика Президента сигнализирует ожидание помощи от технологически более совершенных экономик мира и Европы в частности.**

Артикулируемые означающие из языка неолиберализма не используются здесь стратегически, как у В. Ющенко, а приобретают характер тактического средства для увеличения собственной позиции Президента как защитника и единственного способного «провидца»: Беларусь готовилась к вхождению на «бушующий рынок», но из-за недостатков в организации работы руководителями высшего и среднего управленческого звена так и осталась неготовой. И лишь Президент, регулярно упорядочивающий экономические практики Беларуси по «объективным» требованиям современной конкуренции, был и остается самым лучшим «хозяйственником» страны.

Наиболее интенсивной формулируемой темой является топик технологии. Характерный признак технологического дискурса Лукашенко, артикулируемый им в отношении необходимости заимствования позитивного опыта Европы и США в проведении модернизации промышленности и развитии постиндустриальной экономики – это модель образования: Мы-категория

выступает как Ученики, Они-категория – как Учителя: *Наша модель учитывает закономерности общественного развития и опыт других государств. В первую очередь, таких европейских стран с развитой социально ориентированной экономикой, как Бельгия, Швеция, Германия, Франция.*

При этом Беларусь является не пассивным учащимся, а активно предстает в образе не только трудолюбивого, («Мы не идем к общеевропейскому столу с пустой тарелкой в надежде на подачку. Мы – не богатая страна, но нам есть, что предложить в обмен на искреннее и честное взаимодействие»), но и творческого студента, взамен предлагающего собственные идеи: *ведущие западные страны все чаще обращаются к государственному регулированию экономики; высокотехнологичная Европа, с которой мы сотрудничаем, совместно производим образцы высокотехнологического оборудования.*

На страны Запада перекладывается ответственность за наличие определенных препятствий в плане взаимоотношений государства и бизнеса: *Сами-то они давно отошли от принципов стихийного рынка, а нам продолжают предлагать старые и негодные модели развития.*

Лукашенко упорно придерживается манипуляции фактами: понятно, что модель, при которой полностью находящаяся под госконтролем белорусская крупная и средняя промышленность практически не может быть воплощена правительствами европейских стран, лишь частично контролирующими некоторые сектора национальных экономик.

Транслируемый дискурс «технологического ученичества» становится заветной целью обрабатывающей и сырьевой экономики Беларуси: *Наше государство состоялось как конкурентоспособный участник торгов на международных рынках; создается «аналог американской "Силиконовой долины"», Парк высоких технологий, инновационные мероприятия, проводятся съезды ученых с вызываниями и указаниями, но процесс не идет, Беларусь все также стоит на месте.*

И единственным возможным выходом для Лукашенко видится естественный вариант по преобразованию географического пространства в «доходное место», дарованное Богом, тем более сакральное и требующее заботы не только со стороны самих белорусов, но и всего Запада. Происходит это с помощью концептуальной метафоры «Территория – это ресурс»: Транзит – природный ресурс Беларуси. Его надо превратить в стабильный высокий доход, создав комфортные условия перемещения через границу.

В данном случае задействована метафора архитектурного сооружения, выражающего степень понимания Президентом Беларуси цели и задач своего правления: *Мы – мост между Востоком и Западом. Никуда от этого не денешься. Это геополитическое положение. Мы поставили надежный заслон на пути наркотрафика, нелегальной миграции, торговли людьми; как проходной двор из России на Запад, с Запада в Россию.*

Метафора моста заменяет узловые точки идентификации, выстраиваемые прежде: народной демократии и суверенного государства с собственной моделью развития. Причем хронологически наблюдается тенденция к увеличению попыток осмысления сути Беларуси с такой субъектной позиции: территория для транзита энергоносителей становятся виртуальными проектами национальной гордости и нодами точками идентификации.

Цепи эквивалентности постепенно реартикулируются в дискурсе Лукашенко в случайные цепи различия: белорусский уникальный опыт с узловой точкой «экономического чуда в окружении стихии рынка» плавно переходит в нодалную точку «моста» – наилучшего способа соединения двух означающих: источника сырья (Россия) и его потребителя (Европа). Осознание различий вторгается в творимую и воспроизводимую практику конструирования социального. Европа становится ближе, но все равно она, ментально и физически, где-то там, за «границей».

Пограничье осознало свою идентичность.

Культура. Официально формулируя свою оценку культурным и цивилизационным достижениям Запада, однозначно претендующую на роль безальтернативной и единственно правдивой точки зрения, А. Лукашенко фиксирует элементы разной направленности.

В отношении к культуре Запада А. Лукашенко проявляет неодинаковую позицию. Он выделяет негативные и позитивные стороны.

Например, в плане мобилизации граждан через массовые мероприятия в области спорта, Президент Беларуси полностью готов перенять политику США в данном направлении:

В оценке значимости физической культуры и спорта для общественного развития мы должны брать пример с промышленно развитых стран, с той же Америки. Там здоровый образ жизни – это своего рода культ.

Мы должны воспитывать национальную гордость, уважение к своему государству, к Конституции, флагу, гимну. Посмотрите, как это делается в других странах – в США, Великобритании, Японии.

Запад выступает как точка опоры для легитимации собственных мероприятий по идеологической работе.

Одновременно с таким позитивным восприятием наличествует в дискурсе и прямо противоположное отношение: *защитить культурное наследие и современное духовное богатство всей нашей славянской цивилизации от негативного воздействия глобализации, а точнее, от американизации.*

Нам надо усиливать иммунитет общества, чтобы сохранить здоровье человека и противостоять той «нравственной заразе», которая приходит к нам извне.

У Беларуси крепкая иммунная система. Ваши неуклюжие попытки внедрить вирус революций дали обратный эффект – стали противоядием этому “цветному” недугу.

Обращает на себя внимание совпадение мнения А. Лукашенко с позициями В. Ющенко о роли своих наций в деле творения европейских ценностных оснований: *Наш белорусский народ был, есть и останется неотъемлемой частью европейской цивилизации; принципы, на которых мы хотим построить наше общество, и общеевропейские ценности Евросоюза не только не антагонистичны – они идентичны; для Беларуси есть не только наша Россия, но и наша Европа.*

В контексте представлений о Второй мировой войне структурируется и образ Запада. Вторая мировая война видится А. Лукашенко как центральный момент белорусской истории, как извечное предназначение белорусского народа.

Но, в отличие от Ющенко, у которого дискурсивно Советский Союз был одним из противников национальной независимости Украины, а воображаемый украинский народ являлся полноправным субъектом военных действий, как бы вне субъекта с именем Советский Союз, то у Лукашенко война ведется объединившимися народами СССР, в дискурсе о войне не присутствуют альтернативные точки зрения, и она целиком остается в рамках советского исторического нарратива. Война служит фактом подтверждения истинности и природности претензий на возможность выбора «собственного» пути развития, приведшего в итоге к элементам авторитарности и некоторым «перегибам», и в итоге, своеобразной «панацеей от всех бед», ответом на любые насущные вопросы и проблемы:

Но мы не можем забыть того, что уничтожали наших людей не только немецко-фашистские захватчики, но и их приспешники разных национальностей. В том числе и прибалтийские эсэсовцы, сжигавшие белорусские деревни и города. И сегодня, находясь уже в составе Евросоюза, самого демократического, они – ветераны СС – проводят свои парады и вспоминают свое “боевое прошлое”. А их дети и внуки опять не прочь продиктовать, какой должен быть порядок в Беларуси.

Мы, советские люди, в свое время встали на защиту главного права человека – права жить, трудиться, растить детей. И не им сегодня учить нас правам человека. С собой пусть разберутся. Они залили кровью весь Ближний Восток, Афганистан, Ирак, Югославию.

Великая Отечественная война становится залогом непогрешимости оценок и проектов Президента Беларуси.

Мифология войны становится легитимующим и оправдывающим средством в дискурсе Лукашенко не только виртуально, образно, но и практически: ветераны выходят в советники к президенту: *мне вспоминается один разговор с нашими ветеранами Великой Отечест-*

венной войны. Они сравнили действия нынешних оппозиционеров, требующих санкций в отношении Беларуси, с позицией фашистских прихвостней, полцаев.

Лукашенко выстраивает причинно-следственные цепочки, оживляющие связь с войной, уничтожившей потенциал страны, и до сих негативно отражающейся на положении Беларуси. Разрушительные события 60-летней давности детерминируют состояние экономики и духовную ситуацию в Беларуси: *Мы не отрицаем: нам есть чему поучиться у многих стран мира, и прежде всего европейских. И мы учимся и не стесняемся этого. Только у нас, говоря спортивным языком, разный гандикап (возникший из-за последствий войны – К.В.).*

Роль Запада в победе союзников во Второй мировой войне не столь однозначна для Лукашенко: *«Соединенные Штаты Америки, Великобритания. Это они спасли, которые как мыши под веником сидели в эту войну и высматривали, куда колеблется на фронте маятник».*

Проявляя стратегию амнезии и используя символический ресурс войны, в 2008 году президент Беларуси определяет новые возможности для сотрудничества с Западом: *Американцам нужно просто освежить в памяти некоторые события, свидетелей которых немало осталось в живых, и вспомнить то, что в последней войне мы были по одну сторону баррикад и вместе боролись с фашизмом.*

Они (американцы – К.В.) ж тоже не глупые люди, они же – высокого уровня люди.

Политика. При репрезентации политического образа Запада А. Лукашенко пытается достичь цели по легитимации сконструированной им самим идентичности Беларуси как уникальной страны с собственной моделью демократии. Для убеждения элит и рядовых избирателей в правильности и естественности проводимой им политики, Президент транслирует представление о Беларуси как изобретателе альтернативного пути развития, он артикулирует лишь отдельные элементы формации, в соответствии с правилами цепочки эквивалентности и популистских техник.

В оценке же политики единый для экономики образ Запада разбивается дискурсивно на две составляющие и культуры, оперируя геополитическими категориями, он четко разводит в стороны Европу и США.

Признавая западные страны как демократические, Лукашенко для выражения сущности демократии вводит в оборот представление о собственной, якобы белорусской модели демократии: *Высшая форма демократии – это разговор напрямую с людьми.*

Для него она – *«здание, которое нужно строить постепенно, начиная с фундамента. Это во первых. А кто сказал, что все эти здания должны быть похожи на те, которые построены в Германии или Америке?».*

Понимая политическую систему исключительно в понятии Конституции, на уровне задекларированных прав и обязанностей, Лукашенко делает Беларусь даже более продвинутой демократией, чем Великобритания: *Наша политическая система вряд ли чем-то отличается, скажем, от системы, существующей в европейских государствах, в том числе и в Великобритании.*

Отрицая характеристики Беларуси как авторитарного государства и дискурсивно легитимируя преимущества оригинальной концепции народовластия, Лукашенко часто обращается к проблемам политического развития Запада, актуализируя процедурные вопросы избрания должностных лиц или демонстрации в некоторых странах Европы, избегая описания каких-либо других преимуществ или недостатков собственно демократии, что позволяет обозначить дискурсивную модель демократии у Лукашенко как сознательно ограниченную, не стремящуюся к тотальности:

У таких "учителей" проблем с демократией у себя дома больше, чем нужно. Об этом свидетельствуют системные нарушения прав граждан и на президентских выборах в США, превращенные в фарс референдумы по вступлению новых членов в ЕС.

Самая архаичная система выборов в Соединенных Штатах Америки.

В отличие от украинского Президента, избегающего детализации содержания Объединенной Европы, Президент Беларуси активно концептуализирует внутреннее пространство Европейского Союза, и наиболее близкой из стран Европы для А. Лукашенко является Франция. Это вызвано двумя причинами: с одной стороны, во Франции сильна президентская власть, в некоторых отношениях подобная полномочиям президента Беларуси, с другой стороны, данное государство получает много упреков от А. Лукашенко как самая проблемное в Европе:

Вспомните французские события, когда в кольцо оказался Париж – прекрасный город, глядя на который мы ахаем и охаем. Они пошли на введение чрезвычайного положения. И это – оплот демократии в мире.

Франция – это страна высочайшей демократии.

Мы чрезвычайное положение никогда не вводили и не думаем вводить. А "демократичная" Франция, как известно, недавно вводила.

Оправдывая сильную президентскую власть, Лукашенко проецирует на прошлое вопросы эффективности парламента. Конструируя исторический нарратив Беларуси как страны, находившейся ранее в составе различных государств, он приходит к выводу: *Парламентаризм – это говорильня и болтальня.*

Не указывая масштабы беспорядков и их последствия во Франции и других странах ЕС, А. Лукашенко сопоставляет их с выступлениями нескольких сотен протестующих в Беларуси.

Несколько отдельно от главных деятелей Евросоюза (Франции и Германии) стоит Великобритания как проводник политики США и страны-соседи Беларуси, в 2004 вступившие в ЕС, периодически создающие «мелкие пакости»: *Во главе этого "крестового" похода против Беларуси встали наши соседи – новобранцы от Евросоюза.*

С точки зрения отношения к Беларуси единый образ Запада распадается на части.

Артикулируется образ европейских государств как пассивных участников мировых отношений, умеющих лишь возмущаться, возражать против проводимой главным игроком шахматистом партии (*Мы не фигуры в чьей-то игре. И не пешки на шахматной доске*) – США: Америка – это «агрессор», «цинична», распристранитель «опасностей», «заразы», торговец «однополярного мира», родина ТНК, ей «услуживают страны». В свою очередь, Европа определяется следующими выражениями: *«Европа – трезвомыслящая женщина. Осторожная и заботливая»; «американцы душат европейцев»; «они начинают "плясать под дудку" Соединенных Штатов Америки»; «пример двойных стандартов и политики Европейского союза, которая, в общем-то, является продолжением политики Соединенных Штатов Америки».*

Аналогично дискурсу В. Ющенко, А. Лукашенко выстраивает (где-то с 2006 года) означающие таким образом, чтобы доказать изначальную «европейскость» Беларуси и ее роль в создании и защите общих для «дома» ценностей. Со временем такая позиция применяется интенсивнее и чаще: тактика превращается в стратегию – Беларусь уникальна не столько своей самоценностью, а как основатель и защитник европейского «здания»: *Мы находимся в Европе и не собираемся паковать чемоданы или менять карту мира. Евросоюз для нас – торговый партнер номер два. Да и кроме экономики мы связаны тысячами нитей общих вызовов и проблем.*

Ключевой особенностью риторики президента Беларуси является ее изменчивый характер: хронологически можно проследить важные пункты, которые А. Лукашенко чаще актуализирует, «вербуя» их в поле дискурсивности, поле «прибавочного значения» – постоянно наличных и в то же время остающихся вне зоны доступности ресурсов означающих.

Практики артикуляции, проводимые А. Лукашенко, не являются идентичными и одинаковыми, постоянными на протяжении всего исследуемого периода: периодически происходят перемены субъектных позиций и переопределение узловых точек собственной идентичности и образа Запада (примерно с конца 2004 года,

но особенно в 2006). Поначалу ментально и символически более далекий Запад становится ближе: Беларусь совместно с американцами сражалась против нацизма; неолиберальный дискурс вводит страну в глобальный стихийный рынок, организованный по правилам Запада; Беларусь определяется как мост, площадка между Европой и Россией, в итоге не сводимая ни к одному из «берегов».

Заключение. Данное исследование не претендует на полноту и всеохватность представленного описания и предлагает лишь альтернативные практики рефлексии над современными политическими трендами в регионе Пограничья. Возможно, его положения послужат как дополнения к большому количеству научных материалов, уже имеющихся и предстоящих быть.

В целом, можно сделать такие краткие выводы. Дискурсы Президентов Украины и Беларуси В. Ющенко и А. Лукашенко при внешней несхожести, обладают значительными совпадениями в логике конструирования и использовании концептов неолиберального дискурса, метафорических моделей представления Европы как здания, а также «центральности» своего положения в Европе.

При этом, дискурс Ющенко сохраняет, по преимуществу, стабильность означающих и основной каркас на протяжении исследуемого периода с сохранением цепи различий, а Лукашенко меняет идентичность акторов и саморепрезентацию, переходя с логики цепи тождественности на принцип организации цепи различий, используя их скорее как символический капитал для постоянных переговоров с Россией и Западом.

ЛИТЕРАТУРА

Петров К. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе. // ПОЛИС. 2004. № 3. С. 140-153.

Русакова О., Максимов Д. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель. // ПОЛИС. 2006. № 4. С. 26-44.

Середа В. Исторический дискурс в официальных речах президентов Украины и России. Сравнительный анализ // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. №3. С. 191-212.

Fairclough N. Language in New Capitalism // Discourse & Society. 2002. Vol. 13(2). P. 163-166.

Discourse Theory and Political Analysis [Ed. by Howarth, D., Norval A. and Stavrakakis Y.]. – Manchester: Manchester University Press, 2000. 243 p.

© Кириченко В., 2009